

Мать Айзека умерла пять лет назад, но он постоянно думал о ней. Айзек жил один в доме со стариком; двадцать уже, но мелкий для своего возраста, на вид просто мальчишка. Поздним утром он спешил через рощу к городу — крошечная фигурка с рюкзаком торопилась поскорее скрыться из виду. Он взял четыре тысячи долларов из ящика стола у старика. *Украл*, поправил он себя. Побег из психушки. Кто угодно тебя засечет, а соседи пустят собак по следу.

Он взобрался на пригорок: зеленые пологие холмы, мутная извилистая река, единственная проплешина в бескрайних лесных пространствах — городишко Бьюэлл и его сталелитейный завод. Завод сам был как маленький город, но в 1987-м его закрыли, за следующие десять лет растащили оттуда все мало-мальски ценное, и теперь здания торчат романтическими руинами в зарослях дикого винограда, горца и ясеня. Земля испещрена следами оленей и койотов; люди здесь появляются разве что случайно.

Но городок по-прежнему очарователен: аккуратные ленточки белых улочек вьются по склону холма, церковные шпили и булыжные мостовые, высокий серебристый купол православного собора.

Совсем недавно это было процветающее зажиточное местечко, в центре полно исторических зданий, сейчас по большей части заколоченных. В некоторых районах еще пытаются якобы убирать мусор и поддерживать порядок, но большая часть в полном запустении. Бьюэлл, округ Фейетт, Пенсильвания. Фейетт-нам, как его называли.

Айзек шел по железнодорожным путям, чтобы не попасться никому на глаза, хотя вокруг все равно ни души. Он помнил, как в конце смены на городские улицы выплескивался поток людей из проходных завода — все покрыты стальной пылью, поблескивавшей на солнце; отец, высокий и такой же сверкающий, наклонялся к нему, подхватывал на руки. Это было еще до аварии. До того, как он превратился в старика.

До Питтсбурга сорок миль, лучше всего идти по путям вдоль реки: можно запрыгнуть на проходящий мимо углевоз и проехать, сколько надо. Доберется до города, а потом пересядет в поезд до Калифорнии. Он планировал побег целый месяц. Чересчур долго. Думаешь, Поу согласится? Вряд ли.

По реке буксир толкал баржи с углем, слышно было, как тарыхтит движок. Судно скрылось из виду, все стихло, вода в реке всколыхнулась и успокоилась, мутная, глинистая, лес, сбегаящий к самой кромке берега, — такое можно увидеть где угодно, хоть на Амазонке, фото из “Нэшнл Джоиграфик”. Солнечник плеснул на отмели — вы бы и не подумали есть здешнюю рыбу, но все едят. Ртуть и ПХБ. Он не помнил, что означают эти буквы, но точно какая-то отрава.

В школе он помогал Поу с математикой, но и сейчас не до конца понимал, почему Поу все же дружит с ним — он со старшей сестрой были главными ботаниками в городе, а то и во всей Долине; теперь-то сестра в Йеле. Айзек надеялся, что ее волна успеха подхватит и его. Он всю жизнь восторгался сестрой, но та нашла себе новый дом, мужа в Коннектикуте, которого ни Айзек, ни отец никогда не видели. Тебе и одному нормально, подумал он. Малыш должен поменьше ворчать и обижаться. Скоро он будет в Калифорнии, и тамошние теплые зимы сделают уютнее его одиночество. Год на то, чтобы стать резидентом штата и подать документы в университет, на астрофизику. Ливерморская национальная лаборатория. Обсерватория Кека и Сверхбольшая Антенная Решетка. Нет, ты послушай себя — это все еще имеет смысл?

Миновав город, он вышел на проселок и решил идти к дому Поу опять по железке. Малыш Айзек упорно продвигался к цели. Лес он знал, как старый браконьер, у него куча альбомов с рисунками птиц и прочей живности, но в основном птиц. Полрюк-зака записных книжек с собой. Природу он любит. Может, это потому, что в лесу нет людей, но он надеялся, что все же не поэтому. Здорово все-таки расти в таком месте, потому что в городе, ну не знаю, там ты как будто в бешено несущемся поезде. Мозги постоянно на пределе. Следи за направлением, выбирай колею, не то разобьешься. Люди всему дают имена: лапчатка анемоны козодой тюльпан орешник черемуха. Гикори и дуб. Белая акация и большой косматый гикори. Вполне достаточно, чтобы держать мозг в тонусе.

А меж тем прямо над головой светло-голубое небо, распахнутое в открытый космос, — последняя величайшая тайна. Расстояние, как до Питтсбурга — пара миль воздуха, а за этим нежным покрывалом четыреста ниже нуля*. Чистое везение. Все шансы на то, чтобы не выжить, — только подумайте, Ватсон. Но не восторгайтесь вслух и на людях, не то быстро натянут на вас смирительную рубашку.

Вот только фортуна постепенно отвернется — ваше Солнце обратится в красный гигант, и планета сторит. Бог дал, бог взял. Людям придется перебираться на другие планеты, и только физики могут выяснить, как это сделать, именно они спасут человечество. К тому времени его, разумеется, давным-давно уже не будет на свете. Но, по крайней мере, он сумеет внести свою лепту. Смерть не снимает с тебя ответственности за тех, кто остался в живых. Если он в чем и был уверен, то именно в этом.

Поу жил там, где кончалась грунтовка, в спаренном трейлере, который, как и полагается загородному жилищу, стоял посреди большого лесного участка. Восемьдесят акров и острое чувство фронта — чувство, будто ты последний человек на земле, надежно укрытый среди всех этих зеленых холмов и впадин.

Во дворе рядом со старым “камаро” Поу — камуфляжная покраска за три тысячи и сгоревшая коробка — стояло здоровенное сиденье от тягача. Металлолом

* Минус 240 градусов по шкале Цельсия.

разной степени коррозии, к одной из железяк припилен флажок с легендарной тройкой Дейла Эрнхардта*, тут же деревянный вертел, чтоб подвесить оленя. Поу сидел на пригорке, выглядывая что-то на реке. Как говорится, сумел бы выплатить ипотеку, жил бы у Господа на заднем дворе.

Весь город думал, что Поу поступит в колледж, чтобы и дальше играть, — не обязательно в одной из команд Большой Десятки, но в приличное место, но вот уже два года миновало, а он все живет в трейлере со своей матерью, все торчит во дворе, и вид такой, будто вот-вот встанет и пойдет колоть дрова. На этой неделе, а может, на следующей. Годом старше Айзека, дни его славы уже позади, у ног валяется дюжина пустых жестянок из-под пива. Высокий и широкоплечий, двести сорок фунтов, раза в два здоровее Айзека.

Завидев его, Поу сказал:

— Что, теряем тебя навеки?

— Не надо слез, — отозвался Айзек. Огляделся. — Где твои вещи?

Хорошо, что есть Поу, это отвлекает от мыслей о ворованных деньгах в кармане.

Поу усмехнулся и отхлебнул пива. Он уже несколько дней не мылся — с тех пор, как его уволили из городского хозяйственного магазина, который теперь работал по сокращенному расписанию, все не спешил устраиваться в “Уолмарт”.

* Дейл Эрнхардт (1951–2001) — знаменитый американский автогонщик; с середины 1980-х гг., когда начался его взлет, не расставался с № 3 на капоте своего гоночного автомобиля.